

Лев Азов

Отражение

«Автор»

2026

Азов Л.

Отражение / Л. Азов — «Автор», 2026

Катя и Андрей — обычная пара, чьё счастье держится на ритуалах: утренний кофе с кардамоном, кот Мотя, тихие вечера. Тихая семейная идиллия рушится, когда в их жизнь входит одержимая женщина, готовая украсть не только внешность, но и саму судьбу. Мистический триллер о том, как зеркала становятся дверьми, а любовь — последней нитью, удерживающей личность.

© Азов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Утро	5
Преследовательница	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Отражение

Утро

Она всегда просыпалась раньше него.

Катя вставала в шесть тридцать — бесшумно, как тень, чтобы не разбудить Андрея, — и шла на кухню заваривать кофе с кардамоном, который он любил. Это был их ритуал: она ставила кружку на столик у кровати, целовала его в плечо и уходила в ванную, пока он, приоткрыв один глаз, тянулся к телефону.

Андрей просыпался от запаха и щипоты в переносице. Он пил обжигающе горячий кофе, листал ленту, иногда пересылал Кате смешных котиков из Telegram, хотя она была в двух метрах. Потом она возвращалась, садилась на край кровати, ещё влажная после душа, и он проводил рукой по её мокрым волосам.

Их жизнь была тихой, ровной, без бурь. Старая панельная пятиэтажка на окраине, съёмная двушка с балконом, где Андрей выращивал базилик. Катя работала дизайнером в маленьком издательстве, он — системным администратором в школе. Детей не было, зато был кот Мотя — толстый, ленивый, подобранный в подвале. Он спал на стопке чистого белья и считал себя главным.

Катя часто говорила, что счастье — это когда никуда не хочется бежать. Андрей соглашался и закрывал глаза, чувствуя, как её пальцы перебирают его волосы.

Но однажды вечером, перед сном, она вдруг сказала:

— Иногда мне кажется, ты любишь не меня, а удобство.

Андрей отложил телефон и удивлённо посмотрел на неё.

— С чего ты взяла?

— Ты целый вечер провёл в телефоне. Я тебя звала смотреть фильм — ты сказал «потом». Мы уже два месяца не гуляли в парке. — Она говорила спокойно, без слёз, но в голосе чувствовалась усталость. — Я не жалуюсь, но... иногда я чувствую себя мебелью. Хорошей, удобной мебелью.

Он помолчал, потом обнял её и поцеловал в макушку.

— Прости. Я исправлюсь.

Она улыбнулась и прижалась к нему.

— Знаю, что исправишься. Ты у меня хороший.

Он не знал, что за ними кто-то следит.

Преследовательница

Надежда Григорьева работала в том же офисном здании, что и Катя. Тридцать два года, блондинка, вечно кусала губы перед зеркалом в туалетной комнате и ненавидела свою жизнь.

Она жила одна в малосемейке — крошечной комнате с продавленным диваном, который пах чужим потом. Стены были покрыты дешёвыми обоями с цветами, которые она ненавидела, но не могла переклеить. По утрам она красилась слишком ярко, чтобы скрыть тусклость кожи, и шла на работу, где начальник называл её «солнце» и бесцеремонно лапал за талию. Вечерами она ела гречку из кастрюли, смотрела сериалы и листала соцсети, где все вокруг были счастливы.

Но зависть, как казалось посторонним, была лишь верхушкой айсберга. Надя не помнила себя счастливой. Отец ушёл, когда ей было десять, — просто собрал чемодан и сказал: «Вы меня достали». Мать замкнулась в себе, перестала замечать дочь. Надя научилась разговаривать со своим отражением, потому что с ней никто не говорил. В школе она тихо сидела на задней парте, никто не звал её на дни рождения. Однажды она попыталась подружиться с девочкой, которая носила красивые заколки, — скопировала её причёску, купила такие же банты. Но девочка только фыркнула: «Ты смешная». Тогда Надя поняла: если ты никто, ты можешь стать кем угодно, но только не самой собой, потому что собой быть невыносимо.

Мать умерла от рака пять лет назад. Надя осталась совсем одна — ни подруг, ни родственников, только участковый, проверявший, жива ли она, раз в месяц.

Она часто стояла у окна и смотрела на чужую жизнь: в доме напротив горел тёплый свет, семья ужинала, дети смеялись. Надя представляла, что это её семья, её ужин. Иногда она плакала, но слёз было мало — их вытеснила сухая, жгучая жажда быть замеченной. Не просто существовать, а быть кому-то нужной, чтобы на неё смотрели с той же нежностью, с какой Андрей смотрел на Катю.

Однажды, листая ленту, она наткнулась на аккаунт Кати Морозовой. Попал в рекомендации случайно. Надя подписалась из праздного любопытства, а потом не могла оторваться. Каштановые волосы, мягкий взгляд, платья спокойных тонов. Она публиковала снимки завтраков, кота, книжных полок. И — самое невыносимое — фотографии мужа. Андрей. Умное лицо, слегка грустные глаза. Надя видела, как он смотрел на Катю с такой бережной нежностью, что у неё щипало в носу. Он держал её за руку в парке, поправлял шарф, подносил кофе в постель.

Надя начала сохранять фотографии. Сначала просто скрины. Потом вглядывалась в детали: как Катя поправляет волосы, как держит чашку, какой оттенок помады. Однажды, глядя на своё отражение в тёмном окне, она поймала себя на мысли: её лицо — ошибка, которую нужно исправить. Если она станет Катей, то и её полюбят. Не за что-то, а просто за то, что она есть, — ведь Катю же любят просто так.

В понедельник она перекрасилась в каштановый и купила ту же матовую нюдовую помаду. Стала носить платья спокойных тонов, перестала красить ногти в красный.

— Надя, ты что-то в себе изменила? — спросила коллега. — Выглядишь по-другому.

Она улыбнулась и промолчала. Ей хотелось крикнуть: «Я меняюсь, чтобы стать видимой!» Но она лишь пожала плечами.

Она начала следить за Катей вживую: заходила в те же кофейни, садилась за тот же столик, копировала каждое движение. Она заучила, как Катя поправляет прядь за ухо, как наклоняет голову, когда смеётся. Надя стала писать Андрею безобидные сообщения с незнакомого номера: «Ты красивый», «Я видела тебя сегодня», «Ты заслуживаешь лучшего». Он отвечал вежливо: «Кто это?», «Прекратите». Она сохраняла каждое его слово, перечитывая их ночью, как любовные письма.

Однажды ночью, сидя перед зеркалом в своей малосемейке, она перелистывала старый журнал, который купила на барахолке. На одной из страниц — заметка о «ритуале двойников»: нужно взять фотографию того, чью жизнь хочешь присвоить, в полночь встать перед зеркалом, разрезать фото ножницами пополам и приложить свою половину к своему отражению. «Тогда судьба сольётся», — гласил текст. Надя засмеялась — но рука уже потянулась за распечатанным портретом Кати с её страницы.

Она вспомнила себя в детстве: она тоже разрезала фотографии мамы, пытаясь «склеить» их с собой, когда та уходила в себя. Ритуал давал иллюзию контроля. Теперь он казался единственным мостом к жизни, которой она была достойна.

Она взяла ножницы и разрезала фото. Дрожащими пальцами приложила половинку с Катиным лицом к своему отражению. В ту же секунду лампочка в ванной моргнула, и Наде показалось, что из зеркала на неё смотрит не она, а кто-то с каштановыми волосами. Испугавшись, она выбросила кусочки в мусор. Но на следующую ночь повторила снова. И ещё. И ещё.

Каждый раз она шептала: «Пусти меня внутрь, я хочу быть тобой». Зеркало начало покрываться тонкими трещинами — сначала незаметными, потом они стали разрастаться, как паутина. Надя не обращала на них внимания. Она уже не могла заснуть без ритуала. Она говорила с отражением, просила его «пустить её внутрь». Её собственное лицо в зеркале начинало плыть, черты смешивались с чертами Кати. Надя плакала от этого, но не могла остановиться.

Она не знала, что Кате тоже начинают сниться странные сны. В них Катя видела маленькую комнату с продавленным диваном и чувствовала чужое дыхание за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.